

КОНВЕРГЕНЦИЯ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В. В. Колесник, nikkipohta@mail.ru

*Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. Предметом статьи является выявление основных направлений и результатов конвергенции частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства. Цель статьи – подведение итогов развития в отечественной науке комплекса воззрений на процесс конвергенции частного и публичного права в уголовном процессе. Основным предметом анализа стал концептуальный аппарат, в котором отразились изменения представлений о мере частного и публичного в механизме уголовно-процессуального регулирования

Автор статьи попытался преодолеть догматические препятствия для укрепления в отечественной уголовно-процессуальной культуре частноправовых ценностей, в том числе идей о договорном способе решения вопросов, касающихся ведения и окончания уголовного дела. Главное догматическое препятствие состоит в постулате о господстве публично-правового начала, трактуемого в следственном смысле. Следственная идеология мешает конвергенции частного и публичного права в отечественной уголовно-процессуальной науке.

Основными областями применения разработок автора видятся «доказательственное право» и «обвинительное право» как системообразующие институты российского уголовно-процессуального права. Именно в них воплощена сущность российского типа уголовного процесса. Изменения в этих институтах являются знаковыми в плане степени проникновения частного начала в их публично-правовую природу.

Автор приходит к выводу о том, что конвергенция частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства проявилась в целом ряде субинститутов, включая частные и частно-публичные виды обвинения, альтернативные исходы уголовного дела по некоторым не реабилитирующим основаниям, досудебном соглашении о сотрудничестве, особом порядке рассмотрения уголовного дела. Все эти институты стоят на двух «супер-институтах» процессуального права: обвинения и доказывания. В той или иной мере оба эти института оказались затронуты конвергенцией частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства.

Выводы, сделанные автором, вносят вклад в развитие общего учения о конвергенции частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства. В статье даются конкретные предложения по модернизации институтов обвинения и доказывания в свете понятий «договор».

Ключевые слова: конвергенция, частное право, публичное право, уголовное судопроизводство, обвинение, доказывание, договор.

Для цитирования: Колесник В. В. Конвергенция частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. Т. 23. № 2. С. 19–28. DOI: 10.14529/law230203

Original article
DOI: 10.14529/law230203

CONVERGENCE OF PRIVATE AND PUBLIC LAW IN THE SPHERE OF CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

V. V. Kolesnik, nikkipohta@mail.ru

Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov on Don, Russia

Abstract. The subject of the article was the identification of the main directions and results of the convergence of private and criminal law in the field of criminal justice.

The purpose of the article was to sum up the results of the development in domestic science of a set of views on the process of convergence of private and public law in the field of criminal justice. The main subject of the analysis was the conceptual apparatus, which reflected changes in ideas about the measure of private and public in the mechanism of criminal procedure regulation.

The author of the article tried to overcome dogmatic obstacles to strengthen private law values in the domestic criminal procedural culture, including ideas about a contractual method for resolving issues related to the conduct and completion of a criminal case. The main dogmatic obstacle is the postulate about the dominance of the public law principle, interpreted in the investigative sense. The investigative ideology hinders the convergence of private and public law in domestic criminal procedure science.

The main areas of application of the author's developments are seen as «evidence law» and «law of accusation», as the backbone institutions of Russian criminal procedure law. It is in them that the essence of the Russian type of criminal process is embodied. Changes in these institutions are significant in terms of the degree of penetration of the private principle into their public law nature.

The author comes to the conclusion that the convergence of private and public law in the field of criminal proceedings manifested itself in a number of sub-institutions, including private and private-public types of prosecution, alternative outcomes of a criminal case on some non-rehabilitating grounds, a pre-trial agreement on cooperation, a special procedure for considering a criminal affairs. All these institutions stand on two «super-institutions» of procedural law: accusation and proof. To some extent, both of these institutions were affected by the convergence of private and public law in the field of criminal justice.

The conclusions made by the author contribute to the development of the general doctrine of the convergence of private and public law in the field of criminal justice. He makes specific proposals for the modernization of the institutions of prosecution and proof in the light of the concepts of «contract».

Keywords: convergence, private law, public law, criminal proceedings, accusation, proof, contract.

For citation: Kolesnik V. V. Convergence of private and public law in the sphere of criminal legal proceedings. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2023, vol. 23, no. 2, pp. 19–28. (in Russ.) DOI: 10.14529/law230203.

Термин «конвергенция» (от лат. *Convergere* – сближаться, сходиться) в свое время введенный в научный оборот гуманитарных наук социологом Питиримом Сорокиным применительно к социализму и капитализму [22], снова получил широкое распространение в условиях глобализации.

Идея о смешении, взаимопроникновении элементов неблизкородственных явлений (организмов) без утраты последними своей самоидентичности оказалась близка и юристам. Спрос на нее среди отечественных правоведов был особенно велик в период, когда глобализация воспринималась позитивно, а приведение российского законодательства в соответствие с общепризнанными нормами и принципами международного права было официальной позицией [25, с. 188].

Основы теории конвергенции частного и публичного права в условиях глобализации заложил профессор Н. М. Коршунов [17, с. 114–146], в том числе конвергенции частно-

го права и уголовного и уголовно-процессуального права.

В настоящее время политико-правовой тренд сменился. Тем не менее в свете идеи о суверенизации сохраняет актуальность межотраслевая конвергенция, особенно конвергенция частного и публичного права внутри российской правовой системы. Самым же показательным направлением юридической конвергенции является конвергенция частного права и широко понимаемого, то есть в соответствии с новой научной специальностью 5.1.4 – уголовно-правовые науки.

Разработки Н. М. Коршунова можно взять за теоретико-методологическую основу нашего подхода к пониманию конвергенции частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства.

В теории государства и права юридическая конвергенция определяется как процесс взаимодействия элементов внутри системы права, а также правовых систем различных

государств, характеризующийся сближением, увеличением количества связей между элементами сближающихся объектов [25, с. 192].

Главное различие между публичным и частным правом проходит по методу правового регулирования, в первом случае доминирует императивно-правовой метод, во втором – диспозитивный [19]. И потому наиболее показательным проявлением конвергенции частного и публичного права теоретиками признается распространение диспозитивного метода правового регулирования на некоторые уголовно-процессуальные отношения [17, с. 114–118, 134–137].

Как пишет Н. М. Коршунов, частно-правовой метод регулирует общественные отношения в публично-правовой сфере на основе консенсуса, с использованием различных договорно-правовых средств, которые имеют своим источником начала свободы личности [17, с. 117].

Подчеркнем, что тема конвергенции частного и уголовно-процессуального права неразрывно связана с либерализацией, усилением состязательности отечественного уголовного процесса. Мы вполне осознаем, что свобода, состязательность, диспозитивный метод правового регулирования или диспозитивность – это идеологически близкие концепты.

Данную позицию разделяют многие современные ученые-процессуалисты. Так, по мнению С. Д. Шестаковой [28], конвергенция проявляется в методе регулирования уголовно-процессуальных отношений. Она попыталась выявить возможности внедрения состязательного метода на трех под-уровнях традиционного императивного метода регулирования различных групп уголовно-процессуальных отношений, неизменным субъектом которых являются государственные органы, ведущие процесс [28, с. 14]. Применение состязательного метода уголовно-процессуального регулирования она считает возможным для урегулирования уголовно-процессуальных отношений субъектов доказывания. Отвергнув институты суда присяжных и перекрестного допроса как не приемлемые для отечественного уголовно-процессуального права инструменты, С. Д. Шестакова пришла к выводу о предпочтительности сохранения сложившейся технологии доказывания, при которой основная масса доказательств образуется на стадии предварительного расследования, но с обязательным перерас-

пределением на этой стадии процессуальных функций уголовного преследования и юстиции [28, с. 15].

Мы не разделяем этих выводов С. Д. Шестаковой, утративших к настоящему времени актуальность. Однако нельзя не признать ее правоты в том, что доказывание является одним из двух главных объектов процессуально-правового регулирования, и потому перемены в методе его регулирования имеют системные последствия для всего уголовно-процессуального права.

Конвергенция частного и уголовно-процессуального права в области уголовно-процессуального доказывания является знаковой, и ее проявления более всего показывают, насколько частное начало, а вместе с ним и свобода распоряжения своими процессуальными правами, внедрилось в уголовно-процессуальную организацию [26, с. 115–124]. По мнению Н. М. Коршунова, усматривается проявление фактора волеизъявления лиц при принятии судом решения по делу, которое можно трактовать как завершающий этап доказывания, в пунктах 1–6 ч. 1 ст. 299, ч. 7 ст. 292 УПК РФ [17, с. 138].

Тема о расширении использования метода диспозитивности поднималась в целом ряде работ [6; 12; 21], в которых с различной степенью категоричности утверждалось о проникновении диспозитивности в уголовно-процессуальное регулирование, вплоть до признания диспозитивности принципом уголовного процесса.

И хотя термин «конвергенция» учеными-процессуалистами не использовался, более конкретными были предложения по совершенствованию регулирования деятельности участников различных групп уголовно-процессуальных отношений, имеющих объектом частное, частно-публичное обвинение, доказывание по различным категориям уголовных дел [6, с. 7–19; 12, с. 6–9, 140–152], и даже по введению перекрестного допроса как основного способа формирования сторонами личных доказательств в суде [2, с. 128–130].

Если уголовный процесс понимать как спор государства с лицом, обвиняемым государством в преступлении, то усиление правовых гарантий лиц, прежде всего обвиняемого, расширение свободы распоряжения участниками с обеих сторон своими процессуальными правами при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности в частных и

публичных целях и являются главным позитивным результатом конвергенции частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства.

Наиболее знаковым проявлением конвергенции частного и публичного права в уголовно-процессуальной сфере можно считать образование так называемого «экономического уголовного права» [15, с. 317–329], «экономического уголовного судопроизводства» по уголовным делам о преступлениях предпринимателей в сфере экономической деятельности [4, с. 236–245; 23]. В этих субинститутах уголовного и уголовно-процессуального права конвергенция зашла наиболее далеко и затронула ключевые институты уголовного-процессуального права: обвинение и доказывание. Следует согласиться с тем, что под влиянием экономического фактора, соображений прагматизма и целесообразности, защиты интересов бизнеса сформировался уникальный правовой механизм уголовно-правовой защиты общественных отношений в сфере экономики. Его уникальность состоит в сравнительно большей мере частного, диспозитивного, договорного элементов в способе уголовно-процессуального и уголовно-правового реагирования на предпринимательские преступления, формирование меры уголовно-правового воздействия на них [4, с. 242, 243].

Конвергенция частного права (прежде всего гражданско-процессуального права) и уголовно-процессуального права уже имеет конкретные проявления в уголовно-процессуальных формах.

Нам близки идеи Н. М. Коршунова о том, что проявлениями частно-правового начала в сфере уголовного судопроизводства можно признать: 1) производства по делам частного и частно-публичного обвинения; 2) порядок возбуждения уголовных дел, предусмотренный ст. 23 УПК РФ; 3) «сделки с правосудием» (элементами данного частноправового института, являются процедуры, предусмотренные гл. 40 и гл. 40.1 УПК РФ); 4) примирительные производства в рамках процедур прекращения уголовных дел по различным нереабилитирующим основаниям [17, с. 137–141].

Примерно таким видится пространство конвергенции частного и публичного права в уголовно-процессуальной сфере и другим авторам [1; 16, с. 73–81]. Они констатируют умножение перечня конкретных проявлений

конвергенции частного права в уголовно-процессуальной сфере, а именно: появление договорных способов установления фактических оснований правоприменительных актов, медиации, трансакции и пр.

Новым фактором, стимулирующим конвергенцию частного и уголовно-процессуального права, называют и цифровизацию государства и права; цифровизация унифицирует правовое регулирование, в том числе она уравнивает субъектов доказывания [3, с. 206].

С учетом уже накопленных в науке разработок по исследуемой нами теме обозначим наиболее актуальные и дискуссионные конвергенции, то есть проникновения частного права (гражданского, договорного, гражданско-процессуального) в широко понимаемую уголовно-правовую сферу.

1. Если брать тему конвергенции в плоскости института «обвинение», то это частное, частно-публичное обвинение в их классическом виде, а также специфический вид частно-публичного обвинения по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности [11, с. 99–103].

Менее развита в нашей науке тематика «приватизации института обвинения» через такое понятие, как субсидиарное обвинение [7, с. 32–36]. Данная разновидность частно-публичного обвинения, существующая в законодательстве целого ряда государств, может в перспективе получить развитие и у нас. Поэтому в теоретическом плане вполне уместно ставить вопрос воплощении частного начала в институте обвинения в подобной форме.

2. В плоскости доказывания и вместе с тем разрешения вопроса о мере уголовной ответственности к анализируемой нами конвергенции относят так называемые «сделки с правосудием», под которыми понимаются досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) и особый порядок судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ).

С позиции теории это наиболее спорное завоевание частного права в сфере уголовного судопроизводства, начиная от самой трактовки его как «сделки с правосудием», которое большинством процессуалистов категорически и небезосновательно отвергается, и заканчивая трактовкой его правовой природы. Российские исследователи в продолжение советской доктрины склонны были объяснять договорные уголовно-процессуальные модели в

свете концепции дифференциации уголовно-процессуальных форм [9, с. 8; 20, с. 7–9].

Наиболее показательным в этом плане можно считать изменение подхода отечественных исследователей к пониманию правовой природы досудебного соглашения о сотрудничестве. Первоначально его сущность определяли как очередную особую (сокращенную) уголовно-процессуальную форму [14, с. 15].

Однако затем возобладала точка зрения, согласно которой оно имеет согласительную природу. К настоящему времени можно констатировать, что большинство авторов сошлись во мнении относительно договорной, согласительной природы данного института [24, с. 39–41]. Более спорной остается тема правовой природы особого порядка судебного разбирательства и вынесения обвинительного приговора в порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ.

Можно сказать, что крайности в расширительном применении этой процедуры, которая из особой превратилась в обычную форму рассмотрения уголовных дел, сглажены активным участием прокурора в разрешении вопроса о целесообразности законности разрешения уголовного дела в особом порядке. Так, Генеральный прокурор России И. В. Краснов отметил, что в результате комплекса мер прокуратуре удалось добиться более взвешенного подхода прокуроров к даче согласия на рассмотрение уголовных дел в особом порядке. В результате количество таких уголовных дел снизилось [13]. Прокурор является в первую очередь проводником публичного интереса и уполномочен уравновешивать баланс частного и публичного в процедурах, где есть угроза нарушения этого баланса. Официальная позиция Генеральной прокуратуры России, закрепленная в п. 3.8 Приказа Генпрокуратуры России от 30 июня 2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», служит сдерживающим моментом для экспансии договорного, частного момента в процедуре судебного доказывания и разрешения дела по существу.

3. Тема примирительных процедур как воплощения конвергенции частного права в уголовно-процессуальной сфере является одной из наиболее развитых в науке. К настоящему времени преобладает мнение о том, что частное, договорное начало – сущность про-

цедур прекращения уголовных дел по некоторым основаниям.

Однако это произошло в отечественной науке не сразу. Ядром, вокруг которого формировался данный публично-частный институт, изначально были процедуры, предусмотренные ст. 25 и 28 УПК РФ. При этом именно ст. 25 УПК РФ о примирении потерпевшего с обвиняемым стала образцом отечественной уголовно-процессуальной медиации, в которую включали нормы, содержащиеся в ч. 2 ст. 20, ст. 25, п. 3 ч. 1 ст. 27, ч. 2 ст. 28, 427 УПК РФ [8, с. 45]. Модель «деятельного раскаяния», доминировавшая ранее в правовой идеологии и подразумевавшая безусловное доминирование публичного начала в способе разрешения уголовного дела, стала постепенно вытесняться в правосознании более частно-правовой идеологией: «примирение сторон». Отсюда уже был один шаг к трактовке всех альтернативных процедур как «договорных».

Термин «примирительный» стал символом развития комплексного института уголовного и уголовно-процессуального права, нормы которого регламентируют альтернативный исход уголовного дела. С этим институтом связывали экономию уголовно-правовой репрессии, гуманизацию уголовной политики, восстановление нарушенных преступлением общественных отношений мирным (нерепрессивным) путем [10, с. 17].

При этом многие авторы избегали проведения аналогии между примирением сторон и договором или соглашением. Тем более не обсуждался вопрос о том, что субъектом примирения является государство – таковым признавался только потерпевший. Из-за догматического предубеждения против распространения частно-правовой идеологии в уголовно-процессуальной сфере многие теоретики не могли зайти настолько далеко в признании меры частного в уголовно-процессуальных примирительных процедурах, чтобы признать их договорными.

Однако появление ст. 28.1 УПК РФ, а затем и ст. 76.1 УК РФ, позволило констатировать увеличение меры частного-договорного начала в уголовно-процессуальном механизме досудебного разрешения уголовно-правовых споров, то есть усиление конвергенции частно-правового и публично-правового начал в данном сегменте уголовно-процессуальной системы. Центральной идеей этого уголовно-

процессуального механизма становится не примирение, а договор, посредством которого разрешаются уголовно-правовые споры мирным путем. При этом субъектом соглашения со стороны обвинения выступают не только потерпевший, но и государственный орган, ведущий уголовное дело. Это позволяет предполагать, что субъектом договорно-правовых отношений с лицом, совершившим преступление, не только в уголовно-процессуальной, но в уголовно-правовой сфере выступает государство [27].

Появление процедуры, регулируемой ст. 25.1, гл. 51.1 УПК РФ, поставило в актуальную повестку научного обсуждения вопрос о создании универсальной судебной модели разрешения уголовно-правовых споров мирным договорным путем для тех случаев, когда помимо возмещения ущерба закон требует применения альтернативной уголовному наказанию штрафной меры уголовно-правового воздействия. Судебным органом, уполномоченным на такое правоприменение, предполагается следственный судья [5, с. 94–98].

К настоящему времени, по мнению исследователей [18, с. 71–82, 112, 134], в российском уголовно-процессуальном праве имеются отвечающие общепризнанным международно-правовым стандартам модели медиации, трансакции. Таким образом, анализируемая нами конвергенция проявляет себя по двум направлениям: 1) взаимодействие частного и уголовного-права, процесса внутри национальной системы права; 2) унификация правовых стандартов договорного, упрощенного способа разрешения уголовных дел в международном, европейском правовом пространстве.

В итоге можно квалифицировать как договорные по своей природе процедуры прекращения уголовных дел по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 20, 25, 25.1, п. 3 ч. 1 ст. 27, ч. 1 ст. 28, ст. 28.1, 427 УПК РФ. Комплексный правовой институт, включающий эти и другие уголовно-процессуальные нормы, а также корреспондирующие им уголовно-правовые нормы, может быть признан наиболее последовательным результатом конвергенции частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, справедлив упрек в элитарности модели согласительного способа разрешения экономических уголовно-право-

вых споров, предусмотренного ст. 28.1 УПК РФ, и соответственно предложения о том, чтобы он стал общедоступным, то есть, чтобы любой субъект, а не только субъект предпринимательской деятельности, имел право по уголовному делу о преступлении небольшой или средней тяжести требовать прекращения его уголовного преследования в случае полного возмещения причиненного вреда [27, с. 236–241]. Мы разделяем мнение о необходимости унификации процедур досудебного урегулирования уголовно-правовых споров посредством механизмов медиации и трансакции.

Важной гарантией унификации согласительных процедур разрешения уголовно-правовых споров выступает участие в них прокурора. Мы полностью разделяем точку зрения, согласно которой прокурор должен быть ведущим субъектом публичного обвинения и выступать субъектом договорного уголовно-процессуального отношения с обвиняемым, защитой. Как показывает опыт других государств, прокурорская модель такого рода производств наиболее эффективна «в приказном порядке». Субъектом подобного приказного производства должен быть прокурор [18, с. 129–130].

Между тем, на наш взгляд, в свете темы конвергенции и расширения использования договорной модели разрешения уголовно-правовых конфликтов назрел вопрос о восстановлении ранее существовавшего в нашем уголовно-процессуальном праве основания прекращения уголовного дела: ввиду изменения обстановки и утраты лицом, совершившим преступление, социальной опасности (ст. 6 УПК РСФСР). Мы предлагаем восстановить данное основание в модернизированном виде, а именно как договорное, поощрительное основание прекращения уголовного преследования тех обвиняемых (в том числе и в совершении тяжких и особо тяжких преступлений), которые оказали большое содействие в раскрытии тяжких преступлений, совершенных ими, и внесшим существенный вклад в защиту конституционно-правового строя Российской Федерации. Решения такого рода должен быть уполномочен принимать Генеральный прокурор РФ или его заместитель.

Таким образом, наиболее перспективными, хотя и спорными, направлениями конвергенции частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства являются.

1. «Доказательственное право», в котором данная конвергенция может коснуться расширения круга субъектов доказывания, уравнивания их прав в получении и представлении суду доказательств, формирования сторонами доказательственных фактов договорным путем, отказа от следственного стандарта допустимости уголовно-процессуальных доказательств (по модели протокола следственного действия). И наконец, это неизбежно связано с отказом от концепции объективной истины и переходом к концепции процессуаль-

ной/судебной истины, допускающей возможность соглашения сторон.

2. «Обвинительное право», в котором данная конвергенция может коснуться расширения круга субъектов права на выдвижение обвинения, умножения разновидностей частного-публичного обвинения (за счет введения субсидиарного обвинения), распоряжения сторонами предметом обвинения путем изменения его в сторону смягчения, отказа от обвинения по различным согласительным договорным основаниям.

Список источников

1. Абшилава Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2012. 456 с.
2. Александров А. С. Диспозитивность в уголовном процессе. Нижний Новгород: НЮИ МВД РФ, 1997. 209 с.
3. Александров А. С., Андреева О. И., Зайцев О. А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.
4. Александров А. С., Зайцев О. А. Перспективы развития договорных механизмов в «экономическом уголовном судопроизводстве» // Устойчивый экономический рост и право: сборник материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юриспруденция, 2021. 256 с.
5. Александрова И. А., Алаев Р. С. Правовой институт прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба: вопросы теории и практики // Российский правовой журнал. 2019. № 1. С. 94–98.
6. Андреева О. И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве. Томск: Издательство ТГУ, 2000. 136 с.
7. Ветрова Г. Субсидиарное обвинение и принцип состязательности // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3 (95). С. 32–36.
8. Вольнская О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы. М.: Юнити-Дана, 2012. 351 с.
9. Головинская И. В., Головинский М. М. Досудебное соглашение о сотрудничестве. Владимир: ВИТ-принт, 2011. 192 с.
10. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 544 с.
11. Горюнов В. Ю. Об оптимизации частного-публичного порядка уголовного преследования субъектов преступлений против собственности в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 4 (34). С. 99–103.
12. Дикарев И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2005. 164 с.
13. Доклад Генерального прокурора России И. В. Краснова на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры 17 марта 2020 года // Прокурор. 2020. № 1. С. 11–20.
14. Дубовик Н. П. Особый порядок судебного разбирательства и его место в системе упрощенных производств по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 174 с.
15. Жалинский А. Э. Избранные труды: в 4 т. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. Т. 2. 591 с.

16. Зайцев О. А. Тенденции развития договорных отношений в российском уголовно-процессуальном праве // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 73–81.
17. Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 240 с.
18. Левченко О. В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования). М.: Юрлитинформ, 2022. 176 с.
19. Михайлов А. М. Генезис континентальной юридической догматики. М.: Юрлитинформ, 2012. 496 с.
20. Рыбалов К. А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации. М., 2004. 152 с.
21. Сидоренко Э. Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 418 с.
22. Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. 640 с.
23. Сычев П. Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 336 с.
24. Тисен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве. М., 2016. 336 с.
25. Третьякова О. Д. Юридическая конвергенция: дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир: Владимирский юридический институт, 2012. 445 с.
26. Шарипова А. Х. Конвергенция в процессуальных отраслях права: перспективы судебного права и уголовного процесса // Государство и право. 2021. № 7. С. 115–124.
27. Шерстнев В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021. 313 с.
28. Шестакова С. Д. Генезис метода российского уголовно-процессуального права в условиях конвергенции и дивергенции англосаксонской и континентальной правовых систем (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб.: СУ МВД РФ, 2004. 388 с.

References

1. Abshilava G. V. *Soglasitel'nye protsedury v ugovnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii* [Conciliation procedures in criminal proceedings of the Russian Federation]. Moscow, 2012, 456 p.
2. Aleksandrov A. S. *Dispozitivnost' v ugovnom protsesse* [Dispositivity in criminal proceedings]. Nizhniy Novgorod, 1997, 209 p.
3. Aleksandrov A. S., Andreeva O. I., Zaytsev O. A. [On the prospects for the development of Russian criminal justice in the context of digitalization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2019, no. 448, pp. 199–207. (in Russ.)
4. Aleksandrov A. S., Zaytsev O. A. [Prospects for the development of contractual mechanisms in "economic criminal proceedings"]. *Ustoychivyy ekonomicheskii rost i pravo: sbornik materialov k XVI Ezhegodnym nauchnym chteniyam pamyati professora S. N. Bratusya* [Sustainable economic growth and law: a collection of materials for the XVI Annual Scientific readings in memory of Professor S. N. Bratusya]. Moscow, 2021, 256 p.
5. Aleksandrova I. A., Alaev R. S. [Legal institution of termination of criminal prosecution in connection with compensation for damages: issues of theory and practice]. *Rossiiskii pravovoï zhurnal* [Russian Legal Journal], 2019, no. 1, pp. 94–98. (in Russ.)
6. Andreeva O. I. *Predely proyavleniya dispozitivnosti v ugovnom sudoproizvodstve* [Limits of the manifestation of dispositivity in criminal proceedings]. Tomsk, 2000, 136 p.
7. Vetrova G. [Subsidiary accusation and the adversarial principle]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Altai State University], 2017, no. 3(95), pp. 32–36. (in Russ.)

8. Volynskaya O. V. *Prekrashchenie ugovnogo dela i ugovnogo presledovaniya: teoreticheskie i organizatsionno-pravovye problem* [Termination of a criminal case and criminal prosecution: theoretical and organizational and legal problems]. Moscow, 2012, 351 p.
9. Golovinskaya I. V., Golovinskiy M. M. *Dosudebnoe soglashenie o so-trudnichestve* [Pre-trial cooperation agreement]. Vladimir, 2011, 192 p.
10. Golovko L. V. *Al'ternativy ugovnomu presledovaniyu v sovremennom prave* [Alternatives to criminal prosecution in modern law]. St. Petersburg, 2002, 544 p.
11. Goryunov V. Yu. [On optimization of the private-public order of criminal prosecution of subjects of crimes against property in the sphere of entrepreneurial activity]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii* [Bulletin of the Russian University of Cooperation], 2018, no. 4(34), pp. 99–103. (in Russ.)
12. Dikarev I. S. *Dispozitivnost' v ugovnom protsesse Rossii* [Dispositivity in the criminal process of Russia]. Volgograd, 2005, 164 p.
13. [Report of the Prosecutor General of Russia I. V. Krasnov at an expanded meeting of the Board of the Prosecutor General's Office on March 17, 2020]. *Prokuror* [Prosecutor], 2020, no. 1, pp. 11–20. (in Russ.)
14. Dubovik N. P. *Osoby poryadok sudebnogo razbiratel'stva i ego mesto v sisteme uproschennykh proizvodstv po ugovnym delam: dis. ... kand. yurid. nauk* [The special procedure of judicial proceedings and its place in the system of simplified proceedings in criminal cases. Diss. Kand. (Law)]. Moscow, 2004, 174 p.
15. Zhalinskiy A. E. *Izbrannye trudy: v 4 t.* [Selected works: in 4 vols.]. Moscow, 2015, Vol. 2, 591 p.
16. Zaytsev O. A. [Trends in the development of contractual relations in Russian criminal procedure law]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 1, pp. 73–81. (in Russ.)
17. Korshunov N. M. *Konvergentsiya chastnogo i publichnogo prava: problemy teorii i praktiki* [Convergence of private and public law: problems of theory and practice]. Moscow, 2011, 240 p.
18. Levchenko O. V. *Uchastie prokurora v dosudebnom proizvodstve po ugovnomu delu (opyt sravnitel'no-pravovogo issledovaniya)* [Participation of the prosecutor in pre-trial proceedings in a criminal case (experience of comparative legal research)]. Moscow, 2022, 176 p.
19. Mikhaylov A. M. *Genezis kontinental'noy yuridicheskoy dogmatiki* [The genesis of continental legal dogmatics]. Moscow, 2012, 496 p.
20. Rybalov K. A. *Osoby poryadok sudebnogo razbiratel'stva v Rossiyskoy Federatsii i problemy ego realizatsii* [Special procedure of judicial proceedings in the Russian Federation and problems of its implementation]. Moscow, 2004, 152 p.
21. Sidorenko E. L. *Dispozitivnost' kak rezhim ugovno-pravovogo regulirovaniya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Dispositivity as a regime of criminal law regulation. Diss. D-ra (Law)]. Moscow, 2013, 418 p.
22. Sorokin P. A. *Krizis nashego vremeni. Rossiya i Soedinennye Shtaty* [The crisis of our time. Russia and the United States]. Syktyvkar, 2018, 640 p.
23. Sychev P. G. *Proizvodstvo po ugovnym delam o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoy i predprinimatel'skoy deyatel'nosti* [Criminal proceedings on crimes in the sphere of economic and entrepreneurial activity]. Moscow, 2020, 336 p.
24. Tisen O. N. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy instituta dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve v rossiyskom ugovnom sudoproizvodstve* [Theoretical and practical problems of the Institute of pre-trial cooperation agreement in Russian criminal proceedings]. Moscow, 2016, 336 p.
25. Tret'yakova O. D. *Yuridicheskaya konvergentsiya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal convergence. Diss. D-ra (Law)]. Vladimir, 2012, 445 p.
26. Sharipova A. Kh. [Convergence in procedural branches of law: perspectives of judicial law and criminal procedure]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2021, no. 7, pp. 115–124. (in Russ.)

27. Sherstnev V. B. *Ugolovno-protsessual'nyy poryadok dosudebnogo uregulirovaniya ugolovno-pravovykh sporov: sovremennoe sostoyanie i kon-tseptsiya optimizatsii: dis. ... kand. jurid* [The criminal procedure procedure for the pre-trial settlement of criminal law disputes: the current state and the concept of optimization. Diss. Kand. (Law)]. Nizhniy Novgorod, 2021, 313 p.

28. Shestakova S. D. *Genezis metoda rossiyskogo ugolovno-protses-sual'nogo prava v usloviyakh konvergensii i divergensii anglosaksonskoy i kontinental'noy pravovykh sistem (Teoretiko-pravovoe issledovanie): dis. ... d-ra jurid. nauk* [The genesis of the method of Russian criminal procedure law in the conditions of convergence and divergence of the Anglo-Saxon and continental legal systems (Theoretical and legal research). Diss. D-ra (Law)]. St. Petersburg, 2004, 388 p.

Информация об авторе

Колесник Вероника Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Information about the author

Veronika V. Kolesnik, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law, Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov on Don, Russia.

Поступила в редакцию 21 февраля 2023 г.
Received 21 February 2023.